

Все стадии правоприменительной деятельности влияют на принятие справедливого правоприменительного акта, который приобретает не только правовую, но и нравственную силу. Все граждане, участники процесса и стороны воочию убеждаются в беспристрастности органов, применяющих право, в их стремлении к охране прав и законных интересов государства, учреждений, организаций и отдельных граждан, видят соответствие решения закону и нормам морали, а это последнее придает ему еще больший вес и авторитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсисянц В.С. Философия права. М. 1997. С. 112-114.
2. Васильковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 1901.
3. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) Собр. соч. в 4-х т. М., 1971. С. 96-97.
4. Беланова Г.О. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта. // Ставропольский гос. университет, 2003. С. 74-75.
5. Афанасьев С.Ф. О достижении истины в суде // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 1. С. 46-47.
6. Бонер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец. 2000. С. 60-61.
7. Абознова О.В. // Проблемы установления обстоятельств гражданских дел. Арбитражные суды: теория и практика правоприменения. Сб. ст. к 75-летию Государственного арбитража — Арбитражного суда Свердловской области / Отв. ред., сост. И.В. Решетникова, М.Л. Скуратовский. Екатеринбург: Институт частного права, 2006. С. 101-102.
8. Гегель Г.В. Философия права. М., 1990. С. 400-410.
9. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 34-35.

Марина Федоровна ЛУКЪЯНЕНКО —
судья **Федерального арбитражного суда**
Западно-Сибирского округа,
профессор кафедры **гражданского права и процесса**
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
tordia@rambler.ru

УДК 347.99:342.33

О СУДЕБНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

«В реальной действительности разделение властей
состоит отнюдь не в изоляции одной власти от другой,
их деятельность взаимно переплетена»

(Р. З. Лившиц)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются условия для признания правотворческого характера постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, в том числе рассмотрения их актов по вопросам применения оценочных понятий в гражданском судопроизводстве в качестве источников права.

SUMMARY. The article considers the conditions of recognizing lawmaking character of the Russian Federation Supreme Court and Higher Arbitrary Court plenary session

resolutions as well as examining their acts regarding the matters of using evaluative notions in civil legal procedure as sources of law.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Разделение властей, правотворчество, судебная система.*

KEY WORDS. *Division of power, lawmaking, court system.*

В соответствии со ст. 10 Конституции РФ государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Судебная власть в современном обществе призвана разрешать споры между гражданами и организациями, а также осуществлять контроль за законодательной и исполнительной ветвями власти в рамках доктрины разделения властей.

На вопрос о том, может ли суд создавать правовые нормы, в течение многих лет в нашей стране давался только отрицательный ответ, так как считалось, что иначе нарушается действующая в государстве система разделения властей. Последовательным проводником идеи об отсутствии у российских судов правотворческих полномочий является В.С. Нерсисянц [1].

Создавая гражданско-правовые нормы с оценочными понятиями, законодатель устанавливает самые общие рамки, поэтому при их применении судья обладает достаточно широкой свободой усмотрения, в связи с чем можно утверждать, что судебное усмотрение не может не служить источником правотворчества. По справедливому замечанию Е.В. Семьянова, судебное правотворчество инициируется через судебное усмотрение, результатом которого является новое толкование существующих правовых норм, которое впоследствии может приобрести всеобще-обязательный характер [2; 8].

Анализ формальных и материальных источников судебного усмотрения при применении гражданско-правовых норм с оценочными понятиями показывает, что в делах подобного рода судья не только провозглашает существующее правило, но и создает его, фактически беря на себя функцию законотворца.

Основным приемом создания судом новых правоположений в случаях применения гражданско-правовой нормы с оценочным понятием выступает такой прием ее толкования, который используется не напрямую, а опосредованно. В результате судебный орган принимает решение, основанное на собственном видении оценочного понятия в свете понимания и толкования такой гражданско-правовой нормы. Результат такой деятельности можно рассматривать, с одной стороны, как новое праворегулирование, с другой — как акт толкования права или акт с элементами толкования права. Суд, по сути, объединяет правоприменительную и правотворческую функцию. Как правильно замечает П.С. Шевцов, использование оценочных понятий служит предпосылкой формирования самостоятельной и специфической формы права — судебного права [3; 307].

Решение суда, основанное на оценочном понятии, устанавливает новое толкование нормы и в силу этого приобретает новые свойства, а именно — выступает в качестве основы для разрешения аналогичных дел. В результате решение суда нельзя назвать только правоприменительным индивидуальным актом, здесь происходит развертывание содержания гражданско-правовой нормы, неизбежно сопряженное с формулированием определенных правил, тем самым вырабатываются новые положения, сформировавшиеся в процессе правоприменительной деятельности. Излагаемая в судебном акте позиция суда по вопросу о содержании оценочного понятия создается на новом логическом уровне (уровне конкретного), наполняет живым смыслом положения закона. Тем самым суды дополняют нормативное регулирование, выводят новый подход, новое понимание.

Как справедливо отмечается в литературе, «позитивное правотворчество связано с принятием судебного решения <...> на основании оценочных понятий, содержание которых не регламентировано в источниках права. Во всех указанных случаях судья создает новую норму права...» [4; 4].

Судебное регулирование при применении оценочных понятий гражданского права несет в жизнь правовое воздействие на гражданско-правовые отношения, так же как и деятельность законодателя, создающего нормы права и формирующего законодательную базу государства. Это подтверждается тем, что решения судов в таких случаях по ряду присущих им свойств сходны с нормативными актами.

В частности, как акты органов государственной власти судебные акты выносятся уполномоченным органом государственной власти — судом; в них реализуется цель судебной власти — обеспечение реализации права, свобод граждан и организаций; раскрывается содержание гражданско-правовой нормы с оценочным понятием для неопределенного количества лиц, так же как и норма права создается для неограниченного круга субъектов права.

С нашей точки зрения в этом нет никакого противоречия с принципом разделения властей, поскольку основная функция законодателя — нормотворчество — не передается суду и не блокируется решением суда. Законодатель не связан судебным решением и вправе сам по собственной инициативе в любой момент времени принять определенные нормы, регламентирующие спорные отношения, заменив норму с оценочным понятием, вложив в нее определенное содержание.

Вместе с тем нельзя не отметить, что подобное судебное правотворчество не может носить абсолютного характера (что противоречило бы принципу разделения властей), и предполагает известные материальные ограничения, которым должно подчиняться судебное усмотрение. Такое правотворчество не имеет самостоятельного характера и осуществляется с целью разрешения конкретных правовых споров. Правотворчество суда ограничено рамками представленного на его рассмотрение дела, суд не может выйти за пределы проблемы, возникшей в конкретной ситуации. Поскольку правотворческая инициатива суда при создании нормы ограничена фактическими обстоятельствами дела, в этом смысле толкование в судебных решениях носит казуальный характер.

Принципы, которые формулируются судами при рассмотрении конкретных дел, носят неписаный характер. Эти нормы не фиксируются в позитивном законодательстве.

Поэтому более правильно говорить, что, определяя содержание гражданско-правовой нормы с оценочным понятием, суд стоит близко к правотворчеству, но не творит норму, а конкретизирует применительно к конкретной ситуации. Эта конкретизация является правоприменительной, поскольку ее целью является разрешение одного конкретного случая, а не создание новой правовой нормы. «Норма права в текстуальном выражении находится между так называемым «содержательным минимумом» и «содержательным максимумом», но в любом случае не может достичь «содержательного максимума», поскольку законодатель, несмотря на все свои усилия, не может предусмотреть все типичные жизненные ситуации и все многообразие фактических обстоятельств. Конкретизирующее правотворчество как раз и поднимает норму права до высот «содержательного максимума», в результате чего норма расширяется в объеме, «обрастает» дополнительным содержанием» [5; 56].

С идеей «правоконкретизирующей» деятельности судов выступили в свое время А. Безина и В. Лазарев. Они утверждали, что в ходе отправления правосудия

(применения права судом) постоянно происходит конкретизация общего масштаба нормы права. По мнению авторов этой концепции, нельзя путать правоконкретизирующую деятельность с правотворческой; а «положения, выработанные органами судебной власти в ходе конкретизации есть прямое продолжение норм права вглубь» [6; 7]. Конкретизирующее правотворчество — это деятельность суда, направленная на раскрытие (развитие) общего содержания гражданско-правовой нормы с оценочным понятием применительно к конкретным ситуациям посредством конкретизации содержащихся в законе оценочных понятий. Суд на конкретном уровне продолжает то, что было намечено законодателем лишь в общей форме. По словам А.Ф. Черданцева, новизна конкретизирующих норм заключается в большей детальности их содержания и в более узком объеме [7; 23].

Таким образом, судебное праворегулирование занимает определенное место в системе формирования содержания гражданско-правовой нормы с оценочным понятием. Суды могут и должны участвовать в правотворческой деятельности именно потому, что разделение властей не является простым разделением труда в государственном аппарате, а есть сложная система совместного властвования, в которой государственные органы сдерживают и ограничивают друг друга [8; 98].

Еще известный русский цивилист И.А. Покровский говорил: «Закон и суд не две противоборствующие силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну и ту же цель — достижение материально справедливого; закон для этого достижения нуждается в живом дополнении и сотрудничестве судьи. Не следует бояться этой творческой деятельности судьи: судья не в меньшей степени, чем законодатель, сын своего народа и своего времени, и в не меньшей степени носитель того же общественного правосознания» [9; 94-95].

Правотворчество суда при применении гражданско-правовых норм с оценочными понятиями имеет объективные предпосылки, проистекающие из особенностей таких правовых норм, и является необходимым. Судья не может отказать в рассмотрении дела ввиду неясности содержания оценочного понятия. По справедливому замечанию Г.А. Гаджиева и В.И. Анишиной, правотворчество суда в таких случаях можно расценить как публично необходимое, как для защиты конкретных прав, так и для выполнения публичных задач разрешения социальных конфликтов [10; 270].

Представляется, что в современных условиях каждая ветвь власти вправе рассчитывать на наличие у нее нормотворческих полномочий. Совершенно естественно допустить возможность творить право в иных, чем закон, формах для органов иных ветвей власти. «Легализация» судебного правотворчества в России приведет к воплощению еще одной стороны общеправового принципа справедливости, будет способствовать широкому распространению идеи справедливости, укреплению правосознания и правовой культуры, как граждан, так и общества в целом» [11; 74].

Признание судейского правотворчества — это признание за судебной практикой источника права.

В действующем российском законодательстве нет определения судебной практики, хотя сам термин встречается неоднократно.

«Судебная практика, — писал С. И. Вильнянский, — это сложившиеся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей ясностью или неполно урегулированным соответствующим законом» [12; 57].

По мнению С.Н. Братуся и А.Б. Венгерова, судебная практика как итог судебной деятельности есть результат толкования норм права в процессе их применения

судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют ее в форме определенных положений своеобразного нормативного характера — правоположений [13; 15-17].

Между тем В.Ю. Соловьев указывает, что трудно согласиться с позицией С.Н. Братуся и А.Б. Венгерова, которая, по сути, сводится к утверждению, что судебная практика — это только судебная деятельность, связанная с выработкой правоположений, и не более того. Названные авторы решительно отвергают мысль, что к судебной практике может относиться любое решение суда или даже сумма решений по конкретной группе дел, если оно не формирует новое правовое понятие. Однако вряд ли стоит изымать из судебной практики целый массив, порой весьма значительный, судебных решений, которые состоят в простом применении ясного и четкого закона [14; 33].

Под судебной практикой, как источником права в широком смысле, О.Н. Коростелкина предлагает понимать не всю деятельность судов, а ту ее часть, в рамках которой единообразно восполняется, дополняется либо замещается, в связи с дефектностью норм, регулирование общественных отношений при рассмотрении конкретных дел [15; 11]. В узком смысле судебную практику необходимо определять как определенный прием, способ разрешения отдельных категорий дел, в результате которого высшими судебными органами в публично доступной форме формулируются новые общеобязательные правоположения, восполняющие, дополняющие или заменяющие действующие нормы права, в целях неоднократного использования в отношении неопределенного круга субъектов права [15; 118].

В.М. Жуйков рассматривает судебную практику по гражданским делам, как «деятельность судов по применению законодательства при рассмотрении конкретных гражданских дел и как использование опыта в результате этой деятельности» [16; 5].

Не вдаваясь в подробности данного спора, укажем, что, на наш взгляд, судебная практика существует в виде правоположений высших судебных инстанций, нашедших отражение в разъяснениях, и судебных решений всех судебных инстанций.

Многие ученые высказывают мнение о признании судебной практики в качестве источника права. Так, по мнению И.В. Решетниковой, концепция судебного прецедента как источника правового регулирования является весьма плодотворной. Сфера гражданско-правовых отношений «обречена» быть прецедентной, поскольку «за определенными рамками конкретизации закон рискует превратиться в трудно понимаемый даже специалистами свод казусов» [17; 67].

Особую роль судов подчеркивает В. В. Ярков: «Суды путем прецедентного регулирования способны оказать позитивное воздействие на становление новой правовой системы, выработку единых общих правил поведения в конкретных фактических ситуациях. Складывающаяся судебная практика не только будет выступать в качестве предварительной ступени к последующему нормативному регулированию, но и сама должна стать непосредственным источником такого регулирования» [18; 173].

Вместе с тем Е. В. Семьянов полагает, что существование судебного право творчества в форме судебного прецедента в российском праве невозможно, так как система судоустройства в России не позволяет сформироваться судебному прецеденту в классическом его понимании [19; 9].

Как известно, прецедент в исходном его значении представляет собой выработанное в юридической практике стандартизированное правило понимания и

применения определенных норм права, рассматриваемое как образец при решении аналогичных дел в последующем.

Конечно, суд использует гражданско-правовую норму с оценочным понятием в соотношении с реальными обстоятельствами и действиями субъектов конкретного гражданского правоотношения, и судебное решение само по себе разрешает конкретный спор однократно. Но понимание правильности именно такого пути разрешения спора переносит на последствия свойство неоднократности. Судебные акты, в которых находят отражение результаты применения оценочных понятий, хотя и имеют индивидуализированное содержание в связи с конкретностью рассматриваемого дела, используются судами в аналогичных ситуациях как образец при разрешении аналогичной правовой ситуации.

Поскольку для гражданско-правовой нормы с оценочным понятием характерна тесная связь с фактическими обстоятельствами дела, постольку решение суда отражает все детали и особенности конкретного дела. Суд выносит решение о несоблюдении, например, «обычно предъявляемых требований» на основании своего собственного мнения, какие требования являются обычно предъявляемыми в данной конкретной ситуации. При этом судья прослеживает, какое толкование получало оценочное понятие в процессе развития в других судебных решениях, и затем сам формулирует содержание оценочного понятия. Оценочное понятие наполняется реальным содержанием только через судебные решения по конкретным делам, и каждое новое судебное решение расширяет представление о его содержании.

Вместе с тем, если судебное решение по конкретному делу может стать образцом для принятия решения по другому аналогичному делу, что во многом зависит от уровня его обоснованности, убедительности, то в отношении судебных решений высших судебных инстанций по применению гражданско-правовых норм с оценочными понятиями можно говорить об их прецедентном характере.

Такой судебный прецедент исходит из конкретного судебного решения, которое в определенных условиях приобретает свойство нормативности. Свойство общеобязательности придается ему посредством принятия решения определенным, уполномоченным на то судебным органом — высшим судом.

Главная цель судебного прецедента — обеспечение единообразного применения права, поэтому природа востребованности решения высшего суда, принятого по конкретному делу, другими правоприменителями обусловлена необходимостью стабильности, единообразия судебного регулирования, предсказуемости результатов возникающих гражданско-правовых отношений.

Касаясь структуры судебного прецедента как источника права, можно выделить две основные позиции. Согласно первой точке зрения, прецедент тождественен судебному решению [20; 41-77]. По мнению вторых, прецедент состоит из двух структурных элементов: а) правовой позиции судьи, выработанной им по поводу рассмотрения конкретного дела и легшей в основу решения суда по данному делу; б) доводов, обосновывающих необходимость принятия соответствующего решения и тем самым указывающих на важность и убедительность такого решения, которые не являются юридически строго обязательными и традиционно рассматриваются как «попутно сказанные» в обоснование принимаемого решения [21; 258].

Думается, что под обязательной силой судебного прецедента следует понимать не само решение дела по существу, а именно толкование оценочного понятия применительно к конкретным обстоятельствам данного дела. Поэтому при применении оценочных понятий следует использовать судебное решение применительно к трактовке оценочного понятия.

Судебные прецеденты по своему содержанию являются сходными правовыми явлениями с разъяснениями, поскольку по сути являются проявлениями судебного правотворчества. Норма судебного прецедента более конкретна, так как разрабатывается в процессе рассмотрения конкретного дела. Нормы в постановлениях Пленумов высших судебных инстанций вырабатываются в процессе анализа серии конкретных дел определенной категории, определяя оптимальный правильный путь определения содержания оценочного понятия.

Поскольку способом применения гражданско-правовой нормы является усмотрение, которое заключается в свободно-субъективном выборе поведения путем оценки, основанной на внутреннем убеждении правоприменителя в соответствии со своим правосознанием исходя из принципов права, норм морали и обстоятельств конкретной правоприменительной ситуации, то судебные решения по таким делам следует рассматривать в качестве прецедента усмотрения. О существовании таких прецедентов среди всего массива прецедентов в российском праве с точки зрения происхождения и роли высказывался А.Н. Верещагин [22; 167].

Взаимодействие прецедента и гражданско-правовой нормы с оценочным понятием можно охарактеризовать следующим образом: хотя согласно доктрине норма права (закон) занимает первое место среди источников права, фактически его действие из-за неопределенности содержания, обусловленного включением оценочного понятия, опосредуется прецедентами усмотрения. Прецеденты усмотрения хотя и связаны тесным образом с нормой права, тем не менее могут быть применены лишь тогда, когда суду предоставлено на рассмотрение дело, совпадающее по фактам с тем, при разрешении которого давалось толкование закона.

А.Б. Венгеров наряду с судебным прецедентом предлагал рассматривать так называемый «прецедент толкования» [23; 13]. В отличие от судебного прецедента прецедент толкования, который находит отражение в постановлениях Пленумов высших судебных инстанций, связан лишь с разъяснением уже существующей нормы права.

В понимании сущности постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ нет единства взглядов ученых. Наряду с учеными, которые придерживаются мнения о нормативном характере положений, содержащихся в разъяснениях пленумов [24; 139-140], имеются и противники такого подхода [25; 111-113]. При этом Г.В. Дроздов справедливо замечает, что на сегодняшний день большинство ученых не отрицает нормативного характера руководящих разъяснений, исходящих от верховных судов, поскольку официальное толкование закона есть продолжение законотворческой деятельности [26; 70-71].

На наш взгляд, имеются определенные правовые основания для признания правотворческой роли высших судов России, а их актов по вопросам применения оценочных понятий — источником права.

Разъяснения, сформулированные Верховным и Высшим Арбитражным Судом РФ на основе обобщения судебной практики, в том числе по применению гражданско-правовых норм с оценочными понятиями, связаны с выработкой «устоявшегося» положения о применении оценочной нормы по аналогичным делам. Они восполняют, конкретизируют оценочные понятия в целях последующего неоднократного использования в отношении неопределенного круга субъектов права, тем самым выполняя функцию интерпретационной компенсации неопределенности таких норм.

Толкование права в руководящих разъяснениях носит официальный, обязательный (нормативный) характер, разъяснения кладутся в основу решений конкретных юридических споров всеми нижестоящими судебными органами. Правда, С.Н. Бра-

тусь и А.Б. Венгеров отмечают, что правоположения, выражаемые в процессе конкретизации норм права в судебной правоприменительной деятельности, обладают лишь известной степенью нормативности, т. е. определенной степенью обобщенности и обязательности. Они не имеют всех необходимых структурных элементов нормы права. К числу этих элементов авторы относят отсутствие механизма, обеспечивающего их безусловную реализацию (отсутствует санкция), т. е. нет где-либо закрепленного правила, в силу которого несоответствие решения руководящим разъяснениям Пленума высших судов являлось бы безусловным основанием для их отмены.

По этому поводу заметим, что ссылки на толкование в конкретных решениях, как правило, не осуществляются. Однако в условиях действия принципа единообразия судебной практики, если высшие судебные инстанции определили содержание оценочного понятия в той или иной конкретной ситуации, то можно ожидать, что судьи не будут отступать от этого образца. Кроме того, добавим, что разъяснение высшего суда учитывается всеми субъектами правового общения. «Пленумы высших судов выступают не как правоприменяющие субъекты, осуществляющие правосудие, а как управленческий орган с определенными специфическими правотворческими функциями [27; 13]. Поэтому, безусловно, разъяснения высших судебных инстанций имеют нормативное значение.

Следовательно, можно заключить, что в современной российской правовой системе сложились определенные условия для признания правотворческого характера постановлений Пленумов ВВС и ВАС РФ, а также необходимости руководства ими нижестоящими звеньями судебной системы.

Таким образом, «судейское правотворчество не противоречит ни природе судебного решения, ни принципу разделения властей. Структура судебного решения, включающая в числе прочего мотивировочную и резолютивную части, позволяет ему быть и средством разрешения конкретного спорного вопроса, и источником права. Принцип же разделения властей имеет целью недопущение концентрации власти в пределах одной системы государственных органов и дополняется системой гарантий, служащих этой цели и обеспечивающих самостоятельное функционирование различных ветвей власти и их взаимодействие — системой сдержек и противовесов» [28; 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсисянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000.
2. Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): Дис...канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.
3. Шевцов П.С. Право и судебная власть в РФ. М.: Профобразование, 2003. С. 307.
4. Зуев О.М. О роли суда в правотворческом процессе // Российский судья. 2007. № 12. С. 4.
5. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 56.
6. Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 7.
7. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Вып. 30. С. 23.
8. Федотов А.В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 98.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1916. С. 94-95.
10. Ершов В.В. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации. М.: Юристъ, 2006. С. 270.
11. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 74.

12. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. С. 57.
13. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и форма судебной практики. М., 1975. С. 15-17.
14. Соловьев В.Ю. Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. 2002. № 12. С. 33.
15. Коростелкина О. Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права. М., 2005. С. 11.
16. Жуйков В.М. Предисловие // Роль судебной практики в правоприменительном процессе: Судебная практика по гражданским делам (1993-1996 гг.). М., 1997. С. 5.
17. Решетникова И. В. Судебная реформа в сфере гражданской юрисдикции // Хозяйство и право. 1997. № 3. С. 67.
18. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 173.
19. Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): Дис...канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.
20. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. С. 41-77.
21. Давид Р., Жоффре-Сцинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 258.
22. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 167.
23. Венгеров А. Б. Роль судебной практики в развитии советского права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 13.
24. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 139-140.
25. Загайнова С.К. О роли постановлений Пленума Верховного суда РФ // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Краснодар, 2002. С. 111-113;
26. Дроздов Г.В. Правовая природа разъяснений закона высшими органами судебной власти // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 70-71.
27. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 13.
28. Лозовская С.В. Правовой прецедент: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 9.

Михаил Викторович КУЧИН —
директор Уральского института
регионального законодательства (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент
kutschin@mail.ru

УДК 341.64:342.33

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние принципа разделения властей на полномочия судебных органов в сфере нормотворчества. Анализируется нормотворческая функция судебных органов отдельных государств; освещаются дискуссионные вопросы проявления этой функции в деятельности международных судов.

SUMMARY. The article deals with the influence of power-division doctrine on the authority of judicial bodies in the rule-making sphere. The author analyses rule-making function of judicial bodies in different states and highlights some disputable issues of this function's appearance in the activity of international courts.